

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-247-251

КОСОВСКАЯ Виктория Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
e-mail: vkosovskaya@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Международное частное право, как система правовых норм, регулирующих частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом, использует сложные неспецифические механизмы правового регулирования и юридические конструкции. Научные дискуссии о двойственной природе международного частного права порождают вопросы и относительно юридических конструкций, используемых в данной сфере. В статье предпринята попытка выявить особенности правового регулирования частноправовых отношений трансграничного характера через призму правовых инструментов и юридических конструкций.

Ключевые слова: международное частное право, юридическая конструкция, эффективность правоприменения, коллизионные нормы, применимое право, международные договоры.

KOSOVSKAYA Viktoria Aleksandrovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of International Law
of The Herzen State Pedagogical University of Russia

EFFECTIVENESS OF APPLICATION OF LEGAL CONSTRUCTS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Annotation. Private international law as a system of legal norms regulating private legal relations complicated by a foreign element uses complex non-specific mechanisms of legal regulation and legal constructions. Scientific discussions about the dual nature of private international law give rise to questions about the legal constructions used in this sphere. The article attempts to identify the peculiarities of legal regulation of private law relations of transboundary nature through the prism of legal instruments and legal constructions.

Key words: private international law, legal construction, effectiveness of enforcement, conflict of laws rules, applicable law, international treaties.

Несмотря на сложность и многогранность самого термина «юридическая конструкция» и дискуссии теоретиков права вокруг сущности данного явления в юриспруденции, следует отметить, в первую очередь, интуитивно улавливаемый смысл понятия «конструкция». Структура, построение, устройство, взаимосвязь элементов - все это может характеризовать конструкцию применительно к любой сфере человеческой жизни. Конструкция юридическая также, по сути, должна отражать результат объединения взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

А.А. Ананьева указывает, что «... правовая действительность свидетельствует о том, что термин «юридическая конструкция» находит очень частое применение как в научной, так и в правоприменительной среде. С одной стороны, данный факт указывает на «популярность» рассматриваемого правового явления как в среде ученых, так и в среде практиков; а с другой стороны, отсутствует комплексное представление о сущности юридических конструкций. Отсутствие четкого представления о существовании юридических конструкций приводит к тому, что зачастую данное понятие применяют интуитивно, не вкладывая в него никакого содержания» [1, с. 141].

По мнению А.А. Опалевой, «юридическая конструкция — гносеологическая категория, инструмент, средство познания правовых явлений. Она представляет собой идеальную модель, отражающую сложное структурное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов» [2, с. 143].

М.Л. Давыдова, проводя подробный сравнительный анализ двух основных подходов к пониманию сущности «юридической конструкции» — правотворческого и доктринального, отдает предпочтение последнему, указывая, что «...отнеся конструкции к доктринальным средствам юридической техники, мы должны признать, что именно эта группа находится в центре всей системы юридико-технических средств. Все свои важнейшие функции (правотворческую, интерпретационную, правореализационную, научную, образовательную), юридические конструкции выполняют именно потому, что существуют как некие мыслительные модели, схемы, находящиеся внутри сознания юриста, а не вне его. Да и само профессиональное мастерство юриста в значительной мере обусловлено наличием в его сознании этих ментальных моделей» [3, с. 213].

В.А. Сапун констатирует, что «...юридические конструкции позволяют оптимизировать правореализующую и правоприменительную деятельность, повысить их производительность. Решение юридического дела с использованием юридических конструкций, а не методом проб и ошибок, приводит к получению оптимального и эффективного результата» [4, с. 679].

Использование юридических конструкций как эффективных средств повышения производительности правореализующей и правоприменительной деятельности в сфере регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, несомненно, имеет свою специфику. Такая специфика определяется, в первую очередь, особенностями применяемых инструментов и механизмов, которые призваны решить главные задачи международного частного права, а именно: разрешить коллизионный вопрос о выборе подлежащего правовому порядку и применить в необходимых случаях унифицированные нормы международных договоров и международных обычаев.

Правовая природа самого международного частного права остается в современной науке предметом споров и дискуссий. Следует согласиться с мнением А.В. Алешиной, что «...это объясняется тем, что международное частное право, представляя собой уникальное в своем роде явление, связано как с международным публичным правом, так и с национальными правовыми

системами» [5, с. 123]. Данное обстоятельство напрямую может повлиять и на выбор подлежащих юридическим конструкциям для конкретных случаев разрешения частноправовых споров с иностранным элементом.

Международное частное право зарождалось как право конфликтное (коллизионное) и рассматривалось долгое время как инструмент для определения правового порядка, который должен использовать правоприменитель в конкретной ситуации. В связи с этим, именно в международном частном праве появился такой уникальный инструмент, как коллизионные нормы, которые и дают возможность сделать выбор между несколькими правовыми системами, претендующими на регулирование отношений трансграничного характера, в силу принципа равенства сторон частноправовых отношений.

Н.В. Власова справедливо указывает, что «...эффективность коллизионной нормы заключается в точном определении применимого права, которое должно отражать связь с искомым частноправовым отношением, то есть представлять наилучшее решение коллизионного вопроса с пространственной точки зрения; соответствовать правам и законным интересам сторон данного правоотношения; не вступать в противоречие с публичными интересами правовых порядков, с которыми это отношение имеет тесную связь» [6, с. 100-101].

Несомненно, что основные юридические конструкции появляются и строятся вокруг коллизионного регулирования отношений в международном частном праве. Т.В. Новикова отмечает, что «...механизм коллизионного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, в дополнение к принципам и нормам, нацеленным на решение центрального вопроса выбора применимого материального права, задействует и некоторое количество коллизионных институтов, исполняющих функции общего характера...» [7, с. 91].

Действительно, природа коллизионных норм порождает существенные трудности самого процесса их применения. Такие конструкции, как квалификация юридических понятий, обратная отсылка, отсылка к праву третьей страны, предварительный вопрос и др. сопровождают непростой процесс выбора и применения подлежащей коллизионной нормы.

Интересный вывод делает С.В. Литвинова о том, что «...природа современных коллизионных норм МЧП определяется не только международной коммуникацией людей, но и взаимодействием между государственным суверенитетом и коллизионными нормами. По своей природе коллизионные нормы являются инструментом доброволь-

ного ограничения государством своего суверенного права регулировать международные частные отношения и применять нормы своего права на своей территории в пользу иностранного права» [8, с. 81].

Иными словами, коллизионная норма – это не что иное, как санкционированный государством механизм регулирования частных отношений, осложненных иностранным элементом, проистекающий исключительно из их характера. И поскольку любая коллизионная норма «указывает» правоприменителю, материальные нормы какого государства он должен применить в дальнейшем, чтобы урегулировать данное правоотношение, часто специалисты приписывают коллизионной норме характер нормы процессуальной.

При этом, многие специалисты видят и отличия между коллизионными и процессуальными нормами. «Процессуальная норма по структуре отличается принципиально от коллизионной нормы. Процессуальная норма непосредственно регулирует права и обязанности участников гражданского процесса, в том числе, если один из участников является иностранным физическим или юридическим лицом, в некоторых случаях, могут быть применены и санкции в отношении участников гражданского процесса, но нет отсылки к праву того или иного государства» - указывают А.Т. Мовсисян и А.Б. Опокин [9, с. 364].

Несмотря на существующие научные дискуссии относительно структуры коллизионной нормы, широко применимы юридические конструкции, связанные с ее внутренним строением и отражающие основное предназначение данного инструмента – «объем» и «привязка» коллизионной нормы. Каждый правоприменитель определяет подходящую коллизионную норму именно по ее объему, т.е. той части, в которой определено правоотношение, для регулирования которого необходимо выбрать применимое право. Вторая же часть - привязка - как раз и содержит прямое указание на компетентный правовой порядок. Именно эти две составляющие (объем и привязка) в полной мере могут обеспечить выполнение коллизионной нормой ее функционального предназначения.

Е.С. Аничкин и Я. Стоилов отмечают что «... коллизионные нормы стран мира в сопоставлении с материальным или процессуальным правом имеют значительно меньше различий между собой. Во многом это объясняется высоким уровнем унификации коллизионных правил вообще, а также их немногочисленностью в рамках национально-правовых систем» [10, с. 54], что подтверждается и единообразными юридическими конструкциями, задействованными и в процессе

создания одинаковых коллизионных норм, которые закреплены в международных договорах. Выработанные еще в XV-XVI вв. основные принципы выбора применимого права охватывают практически все сферы частноправовых отношений с иностранным элементом, являются весьма универсальными и эффективными, в силу чего получили широкое закрепление и на международном уровне.

В случае, если для регулирования конкретной ситуации, правоприменитель не может найти подходящую коллизионную норму, поскольку не все многообразные гражданско-правовые, брачно-семейные, трудовые отношения трансграничного характера получили свое коллизионно-правовое регулирование как на унифицированном (международном), так и на национальном уровне, есть возможность обратиться к юридической конструкции «наиболее тесной связи», выработанной доктриной и практикой международного частного права на протяжении столетий для восполнения соответствующих пробелов.

В большинстве случаев исследователи определяют наиболее тесную связь правоотношения с правом конкретной страны как своего рода принцип международного частного права. Е.В. Кабатова, например, отмечает, что «...принцип наиболее тесной связи выступает скорее как общий принцип, а не как результат применения коллизионной нормы, ибо здесь отсутствует указание на конкретную правовую систему, которая должна быть определена судом или арбитражем при рассмотрении конкретного спора. ...Нахождение тесной связи представляет собой не результат применения конкретной нормы, а итог использования общего принципа» [11, с. 8-9]. Л.И. Волова делает вывод о том, что «...введение принципа применения права той страны, с которой то или иное отношение наиболее тесно связано, является ярким примером утверждения в МЧП гибких принципов определения применимого права» [12, с. 120]. На наш взгляд, принцип наиболее тесной связи представляет собой не что иное, как юридическую конструкцию, выработанную доктриной и дающую возможность правоприменителю разрешить проблему отсутствия надлежащей коллизионной нормы для регулирования соответствующего частного правового отношения с иностранным элементом.

В процессе выбора надлежащей коллизионной нормы судья должен правильно квалифицировать юридические термины и понятия, из которых состоит данная норма. Юридическая конструкция «квалификации в международном частном праве» дает возможность преодолеть сложности, связанные с наличием в правоотно-

шении иностранного элемента, который принципиально влияет на решение вопроса о том, на какую правовую систему нужно опираться, квалифицируя соответствующие понятия.

В.А. Канашевский, давая анализ проблеме квалификации и способам ее разрешения, отмечает, что «...основное правило — осуществление квалификации юридических понятий коллизионной нормы по закону суда (*lex fori*) нередко препятствует судам правомерно разрешать спор, когда они сталкиваются с институтами, не имеющими аналогов в отечественной правовой системе. В этом случае интересы справедливого разрешения дела требуют от суда квалификации юридических понятий по праву, регулиющему существо отношения (*lex causae*)» [13, с. 33–45].

Существующий третий способ квалификации — «автономной квалификации» — можно рассматривать как пример самостоятельной юридической конструкции, рожденной в сфере международно-правового регулирования. Речь идет о применении судом коллизионных норм, содержащихся в международных договорах, в первых статьях или преамбуле которых закреплены единообразные понятия и термины, используемые для целей данного международного соглашения. Такая ситуация является по сути оптимальной, но трудно достижимой на практике, поскольку международной унификацией охватываются не все сферы международного частного права и участниками таких соглашений являются далеко не все государства.

В приведенной В.А. Сапуном классификации юридических конструкций конструкции в международном частном праве, в первую очередь, относятся к группе юридических конструкций в сфере частного права, к которым, по мнению автора, применяется метод децентрализованного регулирования: «В правовых нормах «сверху» определяется лишь общий контур такого регулирования. Юридическая энергия исходит в большей степени «снизу», от самих субъектов правоотношений, которые самостоятельно осуществляют выбор юридических конструкций, используют их по своему усмотрению на основе общего установления правомерности поведения» [4, с. 679]. Такие юридические конструкции являются проявлением автономии в регулировании частных правовых отношений.

Таким образом, эффективность применения юридических конструкций в международном частном праве зависит от многих факторов, в том числе, от выбора надлежащей коллизионной нормы, от правильной квалификации юридических понятий и терминов, которые входят в ее состав, а также от возможности найти и применить единственную верную в данной ситуации

коллизионную норму, либо обратиться к праву наиболее тесной связи. По мнению С.В. Литвиновой, коллизионные нормы можно отнести в силу их природы к самостоятельному виду нетипичных правовых предписаний (специальных норм права) [8, с. 81], что порождает существенные трудности в процессе их применения. В сфере регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, необходимо учитывать также юридические конструкции, используемые правоприменителем в случае обращения к унифицированным нормам международных договоров и обычаев.

Список литературы:

- [1] Ананьева А.А. «Юридическая конструкция»: к вопросу об определении понятия // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 1. — С. 141–148.
- [2] Опалева А.А. Юридическая конструкция права на свободу и личную неприкосновенность // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 2. — С. 143–143.
- [3] Давыдова М.Л. Место юридических конструкций в системе технико-юридических средств // Юридическая техника. — 2013. — № 7 (ч.2). — С. 208–213.
- [4] Сапун В.А. Юридическая конструкция как правовое средство юридической техники // Юридическая техника. — 2013. — № 7 (ч.2). — С. 676–679.
- [5] Алешина А.В. Место международного частного права в системе права: основные доктринальные позиции / Международно-правовая система и наука в условиях глобальных вызовов. Коллективная монография. — СПб.: Астерион, 2024. С. 122–128.
- [6] Власова Н.В. Проблемы эффективности определения применимого права и формулирования коллизионных норм в международном частном праве // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. — 2023. — № 2 (50). — С. 97–104.
- [7] Новикова Т.В. Нормы непосредственного применения в контексте принципов коллизионного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом // Защита частных прав: проблемы теории и практики. Материалы XIII ежегодной международной научно-практической конференции. — Иркутск, 2024. С. 90–96.
- [8] Литвинова С.В. Место коллизионных норм международного частного права в системе российского права // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. — 2024. — Т. 16, № 4. — С. 73–83.
- [9] Мовсисян А.Т., Опокин А.Б. Коллизионная и процессуальная норма в международном част-

ном праве // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2025. С. 361-366.

[10] Аничкин Е.С., Стоилов Я. Коллизионные нормы международного частного права России и Болгарии: сравнительный анализ // Российско-азиатский правовой журнал. – 2022. – № 1. – С. 51-55.

[11] Кабатова Е.В. Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве / Богуславский М.М., Светланов А.Г. (ред.). Международное частное право: современная практика: сб. статей. М., 2000. – 175 с.

[12] Волова Л.И. Новеллы коллизионного регулирования трансграничных обязательственных отношений после модификации норм VI раздела третьей части ГК РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 2. – С. 116-122.

[13] Канашевский В. А. Проблема квалификации в международном частном праве // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 9. – С. 33-46.

References:

[1] Ananyeva A.A. "Legal Construction": On the Definition of the Concept // Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. - 2016. - Vol. 26, No. 1. - Pp. 141-148.

[2] Opaleva A.A. Legal Construction of the Right to Liberty and Personal Security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 2. - Pp. 143-143.

[3] Davydova M.L. The Place of Legal Constructions in the System of Technical and Legal Means // Legal Technology. - 2013. - No. 7 (Part 2). - Pp. 208-213.

[4] Sapun V.A. Legal Construction as a Legal Means of Legal Technology // Legal Technology. - 2013. - No. 7 (Part 2). – P. 676-679.

[5] Aleshina A.V. The Place of Private International Law in the Legal System: Basic Doctrinal Positions / The International Legal System and Science in

the Context of Global Challenges. Collective Monograph. – SPb: Asterion, 2024. P. 122-128.

[6] Vlasova N.V. Problems of the Efficiency of Determining the Applicable Law and Formulating Conflict of Laws Rules in Private International Law // Bulletin of Moscow City Pedagogical Univ. Series: Legal Sciences. – 2023. – No. 2 (50). – P. 97-104.

[7] Novikova T.V. Norms of Direct Application in the Context of the Principles of Conflict of Laws Regulation of Private Law Relations Complicated by a Foreign Element // Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice. Proceedings of the XIII Annual International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk, 2024. P. 90-96.

[8] Litvinova S.V. The Place of Conflict of Laws Rules of Private International Law in the System of Russian Law // Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University. - 2024. - Vol. 16, No. 4. - Pp. 73-83.

[9] Movsisyan A.T., Opokin A.B. Conflict of Laws and Procedural Rules in Private International Law // Current Directions in the Development of Branches of Law in the Context of the New Reality. Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. - Moscow, 2025. Pp. 361-366.

[10] Anichkin E.S., Stoilov Ya. Conflict of Laws Rules of Private International Law of Russia and Bulgaria: A Comparative Analysis // Russian-Asian Legal Journal. - 2022. - No. 1. - Pp. 51-55.

[11] Kabatova E.V. The Changing Role of the Conflict of Laws Method in Private International Law / Boguslavsky M.M., Svetlanov A.G. (eds.). Private International Law: Modern Practice: Collection of Articles. Moscow, 2000. – 175 p.

[12] Volova L.I. Innovations in Conflict of Laws Regulation of Cross-Border Contractual Relations after Modification of the Norms of Section VI of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation // North Caucasian Legal Bulletin. - 2021. - No. 2. - P. 116-122.

[13] Kanashevsky V.A. The Problem of Qualification in Private International Law // Journal of Russian Law. - 2021. - Vol. 25. - No. 9. - P. 33-46.

